

Дуань Юй, как и всегда, принес Ши Цянь простой завтрак. Его отношение ничуть не изменилось от того, что Ши Цянь стал его официальным соучеником. Ши Цянь нахмурился, но не стал придавать этому особого значения: за последнее время он успел убедиться, что Дуань Юй — не марионетка. Возможно, таков был его врожденный характер. Отбросив прочь странное чувство, возникшее в глубине души, Ши Цянь решил оставить эти мысли.

Среди густой зелени лекарственного поля Ши Цянь впервые увидел Цзин Су.

Мужчина склонился над грядкой, осматривая тысячелетнюю кровавую гриб-травонь. Даже в этой позе он сохранял стройность и стать. Длинные угольно-черные волосы были собраны белой нефритовой заколкой, открывая идеально правильные черты лица. Во взгляде его читалась мягкость, а сам он, облаченный в белоснежные одежды, выглядел в точности так, как описывали в первоисточнике: утонченный, словно небожитель, отрешенный от мирской суеты.

Даже зная другую сторону Цзин Су, Ши Цянь едва не поддался этому впечатлению. Если это и была маска, то этот человек вжился в нее до мозга костей.

Ши Цянь слегка прищурился, и его губы тронула мягкая улыбка — выражение, которое он обычно использовал, когда сталкивался со сложными задачами. Оно не позволяло окружающим заподозрить неладное, и по этому жесту можно было понять, насколько сильно он на самом деле «ценил» своего наставника.

— Пришел? — выражение лица Цзин Су осталось мягким, но голос прозвучал холодно, словно лед. Впрочем, это не создавало диссонанса; напротив, в этом ощущалась некая странная гармония, будто этот человек только таким и должен был быть.

— Да, наставник. — Ши Цянь всегда умел приспосабливаться, поэтому поспешно придал своему лицу выражение покорности и глубокого почтения.

Цзин Су сорвал кровавый гриб с грядки. В то же мгновение в воздухе распространился характерный сладковатый аромат, от которого на душе стало необычайно легко.

Ши Цянь не проронил ни слова и не изменился в лице — он лишь молча стоял, ожидая дальнейших указаний.

Цзин Су вертел в руках ярко-алый гриб, словно это была не редчайшая лекарственная трава, а самая обычная сорная трава. Его взгляд при этом не покидал Ши Цяня. За последние несколько сотен лет мало что вызывало у него подлинный интерес, но этот красивый юноша, казалось, никогда не терявший самообладания, внезапно пробудил в нем любопытство. Ему стало интересно, каким же он станет, когда наберется сил.

Стоило этой мысли промелькнуть в его голове, как мягкий облик Цзин Су претерпел кардинальные изменения. Взгляд мгновенно стал холодным и острым, а угольно-черные зрачки потемнели, сделавшись бездонными, как пропасть, и пугающе опасными.

Лицо осталось прежним, но теперь его невозможно было связать с образом утонченного небожителя. Он стал похож на бога смерти, вышедшего из самого пекла: для него все сущее было лишь прахом, а человеческая жизнь не имела никакого смысла. Ши Цянь понял — это и есть истинное лицо Цзин Су.

Ши Цянь не понимал, как человек с таким положением, выросший в величайшей секте и ставший первым среди культиваторов, мог приобрести столь жуткий характер. Даже он сам, будучи бывшим Повелителем Демонов, которого часто ставили в один ряд с Цзин Су, вынужден был признать: исходящая от наставника аура крови и тьмы была куда гуще его собственной. Пожалуй, роль Повелителя Демонов подошла бы Цзин Су гораздо больше.

Ши Цянь позволил Цзин Су себя изучать, стараясь сохранять ясность рассудка, чтобы не выглядеть слишком жалко под этим тяжелым давлением.

Наконец, прежде чем Ши Цянь окончательно перестал контролировать себя, Цзин Су отвел взгляд. Юноша тут же почувствовал, как дышать стало легче.

— Я не хочу, чтобы моим учеником стал бесполезный слабак.

Тон Цзин Су уже не был таким ледяным, как мгновение назад, но прозвучавшее пренебрежение заставило Ши Цяня вздрогнуть. В его душе словно что-то сорвалось с цепи.

— Ученик будет прилежно культивировать и не опозорит наставника, — каждое слово прозвучало четко и твердо, сорвавшись с губ раньше, чем рассудок успел взять верх.

Остыв, Ши Цянь на мгновение замер. Он не был настолько импульсивным человеком, но одна фраза Цзин Су задела его за живое. Причины такой реакции заставили его насторожиться.

— Что ж, не забудь о своих словах, — Цзин Су небрежно бросил гриб подошедшему Дуань Юю и снова посмотрел на Ши Цяня. — Следуй за мной на пик Тяньчэн.

— Слушаюсь. — Ши Цянь, раздосадованный своей недавней потерей самообладания, выглядел рассеянным.

— Что такое? Или мне, твоему наставнику, нужно тебя ждать?

Опасный тон заставил Ши Цяня встрепенуться. Отбросив лишние мысли, он поспешно последовал за Цзин Су.

Стоя на мече наставника, Ши Цянь был слишком напряжен, чтобы любоваться видами главной секты. Ощукая исходящее от наставника тепло, он, несмотря на опыт прожитых жизней, невольно почувствовал, как у него загорелись уши. Ведь за все его прошлые жизни он никогда не был с кем-либо так близко.

Все началось с того, что они поднялись на меч. По логике вещей, при уровне культивации Цзин Су, меч должен был лететь идеально ровно, но именно из-за того, что мастер давно не пользовался таким способом передвижения, а также из-за сильных порывов ветра в небе, хрупкое тело Ши Цяня едва не соскользнуло вниз.

Объятия Цзин Су оказались совсем не такими, каким был его истинный облик — они дарили удивительное тепло, согревающее, но не обжигающее. Ши Цянь даже почувствовал исходящий от него тонкий аромат свежей травы. Он на мгновение потерял бдительность и, уже обретя равновесие, не спешил отстраняться.

Цзин Су тоже впервые находился в такой близости с кем-то другим. В прошлом многие пытались добиться его расположения — ведь желающих прильнуть к столь влиятельному мастеру было предостаточно, — но он, казалось, на дух не переносил прикосновений. После того как у младшей дочери главы секты Цихэ, одной из трех великих сект, «случайно» отвалилась рука, когда она коснулась его рукава, никто больше не смел к нему приближаться.

Однако, к удивлению самого Цзин Су, прикосновения Ши Цяня его не раздражали. Более того, прошлой ночью, когда юноша пошатнулся, он подсознательно его подхватил — случай невероятный для него прежнего.

Что бы ни думали они оба, сейчас ситуация выглядела именно так.

Тело тринадцати-четырнадцатилетнего подростка еще не успело полностью сформироваться, а так как Цзин Су был высокого роста, голова Ши Цяня едва доставала ему до груди. Со стороны казалось, что Цзин Су полностью обнимает его.

Ши Цянь закрыл глаза, затем снова открыл их — на его лице вновь застыло спокойствие.

Оба, погруженные в свои мысли, не замечали, насколько они похожи. И это сходство уже предрешило их судьбу: либо стать заклятыми врагами, либо неминуемо притянуться друг к другу.

Меч быстро и плавно летел к пику Тяньчэн.

Пик Тяньчэн был главным пиком Секты Тяньлин, где также практиковались ученики внутреннего круга. По уставу, ученики внутреннего круга получали собственные пещеры-обитатели после достижения стадии Зарождающейся Души, а после стадии Слияния могли просить главу секты о выделении вспомогательного пика и становиться его хозяевами. Тот, у кого был свой вспомогательный пик, мог принимать прямых учеников и учеников-последователей.

Хотя об этом не говорили вслух, всем в мире культивации было известно, что пять тысяч лет назад существовавшая Секта Минлу, объединявшая три пути — мечников, алхимиков и укротителей духовных зверей, — распалась на три нынешние великие секты: Секту Тяньлин

(мечники), Секту Цихэ (алхимики) и Секту Линшуй (укротители зверей).

Все, что долгое время находится в единстве, рано или поздно распадается. Различие в идеологиях и методах культивации предопределило их судьбу. И хотя формально разделение помогло каждой секте нарастить силу, никто не мог отрицать, что с тех пор путь праведников начал приходить в упадок.

За последние пять тысяч лет лишь единицы достигали стадии Преодоления Бедствий, и подавляющее большинство из них погибало в процессе. О стадии Великого Достижения нечего было и говорить: за последние тысячу лет таких культиваторов насчитывалось меньше пяти, а на нынешней стадии Великого Достижения остался лишь один Цзин Су.

Три великие секты были главной опорой пути праведников и его лицом. Их упадок подарил надежду адептам Пути Демонов, которые, годы находившись под гнетом, начали стремительно поднимать головы, и мелкие стычки стали обычным делом.

На самом деле, если бы не предательство, приведшее к его гибели, Ши Цянь, будучи Повелителем Демонов, уже тогда собирался развязать полномасштабную войну против культиваторов. Он прекрасно понимал, что из-за разности взглядов отношения между тремя сектами держались лишь на поверхности, а под спокойной гладью воды бурлили скрытые течения. Они были как вода и огонь, давно забыв о том взаимодополнении, которое было во времена Секты Минлу. Собрав под своим началом все имеющиеся силы, он вполне мог подчинить себе мир культивации, сделав его своей вотчиной.

Ши Цянь слегка опустил веки, длинные ресницы скрыли его мысли. Хотя он не слишком гнался за властью, а война с культиваторами была для него лишь игрой, он привык делать все основательно и не любил тратить силы впустую. Раньше он не вспоминал об этом, но теперь, когда память вернулась, он без колебаний сделал заметку в своем «списке дел» для главного героя — еще не ясно, родился ли он вообще — и его милой «сестренки».

Секта Тяньлин по праву считалась первой среди великих сект. Даже несмотря на то, что в последние годы сильные культиваторы либо погибали, либо возносились, ее многотысячелетнее наследие было неоспоримо.

Увидев защитный массив секты, Ши Цянь невольно восхитился. Похоже, в прошлой жизни, чтобы взять эту секту, ему пришлось бы приложить гораздо больше усилий. Он и не предполагал, что помимо внешней защиты здесь скрывается еще один, на вид гораздо более надежный массив. Массив внутри массива создать было совсем не просто.

На главном пике летать было запрещено, поэтому, войдя внутрь массива, Цзин Су убрал меч.

Ши Цянь, не удивленный тем, что его двуличный наставник мгновенно стал мягким, утонченным и сдержанным, молча следовал за ним, сосредоточившись на своем образе — жалкого юноши, чья семья была полностью истреблена.

К счастью, ученики внутреннего круга в основном практиковались на задних склонах или в главном зале, поэтому учителю и ученику, выбравшим парадный путь, не пришлось привлекать лишнее внимание. Те, кого они встречали по пути, лишь с любопытством смотрели на Ши Цяня, но, вежливо поклонившись, уходили по своим делам, что позволило ему немного расслабиться. Хоть он и не возражал против внимания, но быть экспонатом в зоопарке ему не нравилось.

Не заходя в главный зал, Цзин Су повел его окольными тропами к небольшому деревянному строению.

Здание выглядело странно и простовато, но в нем чувствовалась некая первозданная естественность. Оно располагалось на поляне в густом лесу за главным залом, сразу за которым находилась запретная зона секты. Стало ясно, что сюда не попасть, если не обладать особым статусом.

Простая ограда из такого же дерева обрамляла небольшой дворик, но в нем ничего не росло, отчего он казался пустым. Во дворе стояли четверо: трое послушных юношей и один кукольнолицый парень, который постоянно подпрыгивал и что-то кричал.

Не постучав, Цзин Су толкнул калитку и вошел, Ши Цянь последовал за ним.

— Наставник-дядя! Вы пришли! — кукольнолицый, только что гневно отчитывавший своих учеников, стоило ему увидеть Цзин Су, тут же расплылся в подобострастной улыбке и пулей рванул в его сторону.

— А!

Тот, кто только что был в поле зрения, мгновенно превратился в тень и вылетел за пределы двора.

Ши Цянь: «...»

Трое учеников: «...»

— Наставник-дядя, вы такой жестокий! У-у-у, лицо пострадало. — Кукольнолицый, вернувшись на место, неизвестно откуда достал зеркальце и, потирая покрасневшую щеку, жалобно причитал, бросая обиженные взгляды на Цзин Су. Не дождавшись ответа, он переключил внимание на Ши Цяня, и его глаза ярко сверкнули. Он бросился вперед.

Ши Цянь, наблюдавший за представлением, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не успев увернуться, он почувствовал, как к нему прилипла «коала». Температура чужого тела заставила его оцепенеть. Он рефлекторно хотел атаковать, но был обхвачен так крепко, что не мог пошевелиться.

— Какой милый, какой милый! Наставник-дядя, где вы нашли такого милого ребенка? Отдайте его мне в ученики, а?! — Чэнь Ци терся щекой о шею Ши Цяня, светясь от восторга. Но не успел он повторить это снова, как его воротник натянулся, и он снова превратился в летящую вдаль тень, причем на этот раз улетел еще дальше.

Ши Цянь с благодарностью посмотрел на спасшего его Цзин Су и принялся поправлять одежду. Из-за этого он не заметил секундного выражения сложности в глазах наставника.

Глядя на возвращающегося кукольнолицего, Ши Цянь напрягся до такой степени, что, казалось, у него дыбом встали все волосы.

— Чэнь Ци.

Два слова, произнесенные Цзин Су без тени эмоций, превратили восторг на лице парня в уныние. Он остановился и уставился на Ши Цяня, а его большие глаза так красноречиво выражали недовольство, что у Ши Цяня мурашки по коже пошли. Он никогда еще не встречал такого... странного человека.

У троих учеников по лбу поползли черные линии. Они видели такие сцены бесчисленное количество раз, но все равно не могли поверить в то, что их наставник — глава секты — может вести себя так несерьезно.

Посмотрев на Цзин Су, чье выражение лица становилось все более мягким, трое учеников синхронно вздрогнули и одновременно про себя посочувствовали своему наставнику.

Ши Цянь игнорировал бросаемые на него взгляды, дергая углом рта и стряхивая мурашки. Придерживаясь тактики «меньше слов — меньше ошибок», он послушно стоял за спиной наставника. Если небо упадет, его удержит наставник — Ши Цянь даже не осознал, насколько глубокое доверие к нему зародилось в его подсознании.

— Кхм-кхм, давайте к делу. — Поняв, что никакой выгоды не светит, Чэнь Ци, не смея больше дурачиться перед Цзин Су, вернул себе серьезный вид.

Трое его учеников, поклонившись Цзин Су, поспешили ретироваться. Теперь во дворе остались только Цзин Су, Ши Цянь и Чэнь Ци.

Заняв почетное место, Цзин Су принял чашку чая от Чэнь Ци. Его безупречное лицо скрывалось за облаком пара, и никто не мог разглядеть его истинных чувств.

— Это мой ученик.

— Что?! — Чэнь Ци, только собиравшийся сесть, от неожиданности свалился на землю, и чашка на столике с грохотом разбилась вдребезги. Поняв, как нелепо он выглядит, он поспешно

вскочил, навел порядок в чувствах, но взгляд его не отрывался от Ши Цяня.

Чем дольше он смотрел, тем более странным становилось его выражение. Глаза стали острее, прежняя ребячливость исчезла, и в его кукольном лице проступила властность, которую нельзя было игнорировать.

Отличные кости, отсутствие опыта в культивации, спокойный и рассудительный нрав — помимо проверки духовных корней, парень выглядел как идеальный материал для культивации. Видимо, он прошел вступительный тест наставника. Хотя внешне Чэнь Ци оставался серьезен, в душе он одобрительно кивал.

Как глава секты Тяньлин, Чэнь Ци прекрасно знал характер Цзин Су. Раз тот признал Ши Цяня, ему оставалось лишь уладить формальности. За столько лет это первый человек, прошедший те извращенные испытания. При мысли о культиваторах, которые каждый год приходили в Секту Тяньлин с претензиями, Чэнь Ци стало дурно.

Ши Цянь стоял рядом с Цзин Су, сохраняя невозмутимость, пока его изучал Чэнь Ци. Его опущенные веки скрывали глубокие раздумья: в самом деле, как человек, возглавляющий величайшую секту, может быть простым?

Впрочем, кажется, все, кого он встречал после перерождения, были далеко не простыми людьми.

Цзин Су, Дуань Юй, Чэнь Ци — становится все интереснее.

— Я пойду подготовлю знак принадлежности к секте для младшего соученика. — Чэнь Ци сдержал желание проверить духовные корни Ши Цяня и с почтением обратился к Цзин Су. — Как звучит дао-имя младшего соученика?

— Чэнь Бай, — Цзин Су постучал пальцами по столу, довольный тем, что Чэнь Ци не задал лишних вопросов. — Ступай.

— Слушаюсь. — Ответив с покорностью, Чэнь Ци поднял голову, и его лицо вновь просияло. Он подмигнул Ши Цяню, и его персиковые глаза, казалось, источали откровенный соблазн: — Младший соученик, жди возвращения старшего!

Ши Цянь: «...»

С уходом Чэнь Ци в комнате вновь воцарилась тишина.

Ши Цянь пока не решил, как вести себя с этим внезапно появившимся наставником. Ни в одной из своих жизней он не был болтлив, тем более, когда совсем не понимал, что на уме у Цзин Су.

— Раз уж ты стал моим учеником, не стесняйся меня. — Цзин Су первым нарушил молчание. Его голос вернул привычную холодность, но слова имели совсем иной смысл.

Ши Цянь вздрогнул, поняв намек Цзин Су. В душе возникло странное чувство: это значит, что перед ним наставник показал свое истинное лицо? Признать ученика — значит признать его как человека, которому он доверяет? Это было слишком опрометчиво. Но что бы он ни думал, вслух он ответил без промедления:

— Слушаюсь, наставник.

Хотя внешне это было незаметно, Цзин Су всегда был добр к тем, кто его интересовал. Поэтому, даже заметив лицемерие Ши Цяня, он не рассердился.

— Твои меридианы восстановлены, но духовные корни полностью разрушены.

Ши Цянь поднял голову и посмотрел на Цзин Су с нескрываемой болью — это был абсолютно безупречный, искренний порыв эмоций.

— Не волнуйся, пока я рядом, — проговорил Цзин Су, потягивая чай и игнорируя странное чувство, возникшее при виде боли в обычно спокойных, как вода, глазах юноши.

— Благодарю, наставник. — Ши Цянь, конечно, не волновался, но должен был признать — слова Цзин Су его тронули. Независимо от того, с какой целью тот его спас, по крайней мере сейчас он не делал ничего во вред.

Знак принадлежности к секте был единственным пропуском через защитный массив и символом статуса. У прямого ученика высшего ранга это был ромбовидный белый нефрит, на одной стороне которого древним шрифтом было вырезано «Тяньлин», а на другой — дао-имя ученика. Каждый такой знак признавал владельца своим хозяином через духовное сознание и сопровождал его всю жизнь.

Ши Цянь вертел в руках пропитанный духовной силой нефрит. Похоже, отношение секты к прямым ученикам было таким серьезным, как и говорили... нет, даже более преувеличенным, чем гласили слухи. Он прищурился, вглядываясь в изящную гравировку: массивы сбора духа, очищения сердца и простая защита — этот кусок нефрита мог сравниться с редким артефактом высшего класса.

Чэнь Бай. Если есть пыль (Чэнь), как называть ее белой (Бай)? Ши Цянь понимал, что это имя, скорее всего, останется с ним на всю жизнь. Впрочем, ему всегда нравился белый цвет, так что имя вполне ему подходило. Самую порочную тьму окутывает чистейший белый цвет — тогда она ведь становится чистой, не так ли?

— Тук-тук.

Знакомый стук прервал его мысли. Убрав нефрит в пространственное кольцо, он стал ждать, когда вошедший откроет дверь.

В тот день на пике Тяньчэн, пока Цзин Су отсутствовал, Ши Цянь «случайно» узнал от Чэнь Ци кое-что о Дуань Юе. Тот с детства рос рядом с Цзин Су и называл его наставником, но не был прямым учеником Секты Тяньлин. К тому же он почти никогда не покидал пик Тяньчэн, поэтому Чэнь Ци знал о нем не так много. Однако было одно примечание: внешне Дуань Юй всегда оставался подростком, но, насколько помнил Чэнь Ци, Цзин Су привел его к себе еще до того, как стал главой секты — прошло уже по меньшей мере двести лет.

Загадок вокруг Дуань Юя было слишком много, а Ши Цянь никогда не отличался излишним любопытством. Любопытство — не то чувство, которое ему полагалось иметь. В любом случае, придет время, и он узнает все, что должен.

Дуань Юй, как всегда, был в лазурном халате. Его худощавая фигура была стройной и высокой, а изящные черты лица, пусть и оставались юношескими, уже предвещали будущую красоту — жаль только, что выражение его лица всегда было таким безжизненным.

— Младший соученик, пора на лекарственную ванну.

<http://bllate.org/book/21128/2143775>